

-День памяти

Вег. Москва, 1996. - 17 февр. - с. 2

Прозрение разбило сердце Лакшина

Писатель, критик, мемуарист, редактор, «родитель» музеев... Имя Владимира Лакшина не забыто интеллигенцией. На вечер его памяти, состоявшийся на днях в Литературном музее имени Герцена, пришли друзья и знакомые Владимира Яковлевича, а также люди, не знавшие лично, но любившие этого одаренного человека.

Вспоминали о Лакшине по-разному, потому что он раскрывался перед каждым какой-то одной своей стороной.

М. Глузский:

Нет ни одной области искусства, о которой бы не говорил Лакшин, не писал бы. Многое из того, что я сделал, прошло через него. Он обладал умением поддерживать компанию, объединять вокруг себя людей; возле него всегда было тепло, радостно и интересно. От него исходило знание, которое «подкрепляло», обогащало и делало лучше.

С. Есин:

Смерть Лакшина три года тому назад означала не просто смерть очень крупного литературоведа, очень крупного критика, художественного деятеля, она означала некий обрыв в нашей эпохе. Лакшин принадлежал еще к тому времени, когда речь была речью, культура была культурой, интеллигентность была интеллигентностью. А сейчас как бы начала «выходить из-под льда» новая этика, новая интеллигенция. Лакшин это приветствовал. (В этом времени, кстати, есть свой пафос.) Но он-то все думал, что этика будет старая, настоящая, он думал, что совесть относится к вечным категориям. И в какой-то момент, как мне кажется, наступило прозрение, и оно разбило его сердце.

Н. Иванова:

У Владимира Яковлевича было тяжелое отрочество, было много испытаний и болезней, и не только в детстве. Ведь не просто так у человека останавливается сердце, и он переходит в другой мир. Именно из-за страданий он многое понял будучи ребенком и дальше многое понимал гораздо раньше, чем другие в его возрасте.

Мы живем в ужасную эпоху: у нас все отделено друг от друга — музыка отдельно, живопись отдельно, литература отдельно, кино отдельно. А он все это в

себе прекрасно умел соединить.

Н. Жигин:

Все, кто знал Лакшина, помнят одну его особенность — никогда не повторяться. Это было искусство удивительной импровизации. Однажды четыре раза подряд он выступал на одну и ту же тему и нигде ни в чем не повторился. Когда ему сказали об этом, на его лице появилось удовлетворение, как на лице спортсмена, который взял верхнюю планку.

А вот еще один случай, хорошо характеризующий Лакшина.

Ему надо было улететь из Иркутска, ехать в аэропорт, но по ошибке повесили объявление о его встрече с университетской молодежью. В запасе у Владимира Яковлевича оставалось всего пятнадцать минут. И произошла поразительная вещь: когда он начал выступать, у всех создалось впечатление, что впереди бездна времени, как будто он может говорить полдня. А он в пятнадцать минут прекрасно уложился, и даже осталось две минуты... на вопросы.

С. Шмидт:

Когда много было нельзя и невозможно, Лакшин героически, отлично понимая, что он делает, обучал и воспитывал науку, нравственности, хорошей русской речи, мысли. Лакшин сумел воплотить в себе целое поколение шестидесятников.

Он восстановил представление о том, что настоящая литературная критика — это литературная наука. Он сумел сделать так, чтобы это было доступно, интересно всем, чтобы это обогащало ученых, неотрывно читалось людьми, которые научных книг не читают. Это карамзинская традиция. И одновременно Лакшин был абсолютно современен. Он сумел почувствовать, что мы живем в совершенно новую эпоху, когда общественное сознание формируется с лицемерием телеэкрана. И он старался удержать на этом телеэкране тот уровень культуры, науки и самоуважения, который исчезает сейчас на наших глазах. Лакшин никогда не позволял себе унижаться до понимания среднего начальника, полунинтеллигента и т. д. Он возвышал до себя, он один это умел и имел на это право.

Анастасия БОРИСОВА